

КТО ВИНОВАТ?

РОМАН В ДВУХ ЧАСТЯХ

Наталье Александровне Герце" в знак глубокой симпатии - от писавшего.

Москва. 1848.

А случай сей за неоткрытием виновных предать воле божией, дело те, почислив решенным, сдать в архив.

Протокол

"Кто виноват?" была первая повесть, которую я напечатал. Я начал ее во время моей новгородской ссылки (в 1841) и окончил гораздо позже в Москве.

Правда, еще прежде я делал опыты писать что-то вроде повестей; но одна из них не написана, а другая - не повесть. В первое время моего переезда из Вятки в Владимир мне хотелось повестью смягчить укоряющее воспоминание, примириться с собою и забросать цветами один женский образ, чтоб на нем не было видно слез ["Былое и думы". - "Полярная звезда", III, с. 95 - 98. (Примеч. А. И. Герцена.)].

Разумеется, что я не сладил с своей задачей, и в моей неоконченной повести было бездна натянутого и, может, две-три порядочные страницы. Один из друзей моих впоследствии страшал меня, говоря: "Если ты не напишешь новой статьи, - я напечатаю твою повесть, она у меня!" По счастью, он не исполнил своей угрозы.

В конце 1840 были напечатаны в "Отечественных записках" отрывки из "Записок одного молодого человека", - "Город Малинов и малиновцы" нравились многим; что касается до остального, в них заметно сильное влияние гейневских "Reisebilder" ["Путевых картин" (нем.)].

Зато "Малинов" чуть не навлек мне бед.

Один вятский советник хотел жаловаться министру внутренних дел и просить начальственной защиты, говоря, что лица чиновников в г. Малинове до того похожи на почтенных сослуживцев его, что от этого может пострадать уважение к ним от подчиненных. Один из моих вятских знакомых спрашивал, какие у него доказательства на то, что малиновцы - пашквиль на вятчей. Советник отвечал ему: "Тысячи"; например, автор прямо говорит, что у жены директора гимназии бальное платье брусничного цвета, - ну разве не так?" Это дошло до директорши, - та взбесилась, да не на меня, а на советника. "Что он, слеп или из ума шутит? - говорила она. - Где он видел у меня платье брусничного цвета? У меня, действительно, было темное платье, но цвету пансэ". Этот оттенок в колорите сделал мне истинную услугу. Раздосадованный советник бросил дело, - а будь у директорши в самом деле платье брусничного цвета да напиши советник, так в те прекрасные времена брусничный цвет наделал бы мне, наверное, больше вреда, чем брусничный сок Лариных мог повредить Онегину.

Успех "Малинова" заставил меня приняться за "Кто виноват?".

Первую часть повести я привез из Новгорода в Москву. Она не понравилась московским друзьям, и я бросил ее. Несколько лет спустя мнение об ней изменилось, но я и не думал ни печатать, ни продолжать ее. Белинский взял у меня как-то потом рукопись, - и с своей способностью увлекаться он, совсем напротив, переценил повесть в сто раз больше ее достоинства и писал ко мне; "Если бы я не ценил в тебе человека, так же много или еще и больше, нежели писателя, я, как Потемкин Фонвизину после представления "Бригадира", сказал бы тебе: "Умри, Герцен!" Но Потемкин ошибся, Фонвизин не умер и потому написал "Недоросля". Я не хочу ошибаться и верю, что после "Кто виноват?" ты напишешь такую вещь, которая заставит всех сказать: "Он прав, давно бы ему приняться за повесть!" Вот тебе и комплимент, и посильный каламбур".

Цензура сделала разные урезывания и вырезывания, - жаль, что у меня нет ее обрезков. Несколько выражений я вспомнил (они напечатаны курсивом) и даже целую страницу (и то, когда лист был отпечатан, и прибавил его к стр. 38). Это место мне особенно памятно потому, что Белинский выходил из себя за то, что его не пропустили.

8 июня 1859 г.